

Николай Тuroверов

ВОЛЬНЫЙ ПЛЕННИК ЕВРОПЫ

Стихи, неизвестные в России

* * *

Равных нет мне в жестоком счастье:
Я – единственный званый на пир,
Уцелевший ещё участник
Походов, встревоживших мир.
На самой широкой дороге,
Где с морем сливается Дон,
На самом кровавом пороге,
Открытом со всех сторон,
На ещё не разрытом кургане,
На древней, как мир, целине,
Я припомнил все войны и брани,
Отшумевшие в этой стране.
Точно жемчуг в чёрной оправе,
Будто шелест бурьянов сухих, –
Эта память о воинской славе,
О соратниках мёртвых моих, –
Будто ветер в ладонях взвесив,
Разбросал по степи семена:
Имена Ты их, Господи, веси,
– Я не знаю их имена.

* * *

Не сверкай, мой друг, очами,
Не стучи кольцом о стол:
Если пью, то пью ночами,
Днём работаю, как вол.
И мои четыре книжки
Не швыряй на пол, кляня,
И не требуй передышки
В этой жизни у меня.
Жизнь – есть жизнь! И ты заране
Не печалься обо мне,–
Правда в налитом стакане,
Но не в выпитом вине.

* * *

Я не знал, что в этом мире
Ведьмы есть и колдуны,
И рассеяно в эфире
Чародействие луны.
В предсказания созвездий
Никогда я не вникал
И теперь лишь, при отъезде,
Очень многое узнал.
И блажен житейский опыт,
И земной последний срок, –
Вольным пленником Европы
Всё гляжу я на восток.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

I

– Вы были в Африке?

– Я служил в легионе!

(Из парижских разговоров)

Я ещё не меняюсь в лице,
Но теряю последние силы:
Это редкая муха цеце
В легионе меня укусила.
Это значит: приходит пора
С концом примириться железней.
Удивляются все доктора
Неизлечимой болезни.
Это значит: не спать, а дремать,
Не прося у людей сострадания.
Кто смерть?
Ах, покойная мать
Вызывает меня на свиданье.

II

Хорошо, что кончается время
У каких-то воздушных перил.
Я казачье старинное стремя
Под подушку с ебе положил.
Ничего мне больше не снится,
Стал мой мир изумитель но прост.
И босяк с хризантемой в петлице
Увлекает меня под мост.

ВОСЬМИСТИШЕ

Опьянеть от солнечного света,
Обойти прозрачные леса
И поверить, что долина эта
Лучшая на свете... Чудеса
Сами знают, – просим иль не просим, –
Свой, от Бога, предрешённый срок,
Как, пришедших на свиданье, восемь
Этих мимолётных строк.

КИНЖАЛ

Лемносский бог тебя сковал.

Пушкин

Откуда он, в простой оправе,
Тебе доставшийся кинжал?
В какой воинственной забаве
Он ослепительно сверкал?
Кому в часы кровавой мести
Своим возмездием служил
И с кем потом, во имя чести,
Он неразлучно подружил?
Что видел он под облаками
Кавказских гор и почему
Своими нежными руками
Теперь привыкла ты к нему?
И отчего тебя тревожит
Кинжал, отведавший крови,
И веришь ты, что он поможет,
Тебе отбиться от любви.

ВОСПОМИНАНИЕ

Крушила, топтала, сжигала,
Но до конца не сожгла!
Если бы молодость знала,
Если бы старость могла.
Молодость, молодость!.. Что же!
Старость – так старость! И мне
Снится весёлый, пригожий
Дед на буланом коне.

КАЗАК

Ты такой ли, как и прежде, богомольный
В чужедальной басурманской стороне?
Так ли дышишь весело и вольно,
Как дышал когда-то на войне?
Не боишься голода и стужи,
Дружишь с нищетою золотой,
С каждым человеком дружишь,
Оказавшимся поблизости с тобой.
Отдаёшь последнюю рубаху,
Крест нательный даришь бедняку,
Не колеблясь, не жалея, – смаху,
Как и подобает казаку.
Так ли ты пируешь до рассвета
И в любви такой же озорной, –
Разорительный, разбойный, но при этом
Нераздельный, целомудренно скупой?

г. Париж, Франция

*Журнал «Дон» сердечно благодарит Николая Александровича Турове-
рова, интервью с которым следует далее, за предоставленную возмож-
ность напечатать ранее неизвестные в России стихи его дяди донского
казака-поэта Николая Николаевича Туровева(1899 –1972) по машино-
писным и рукописным текстам самого автора, а также по прижизненным
публикациям во Франции.*